

В зеркале отразилось лицо с тонкими чертами, румяное, с чистой и упругой кожей, без морщин и признаков дряблости. Длинные волосы черные, как чернила, а шрам от ожога на левой щеке исчез. Ожоги на руках тоже пропали.

Она снова внимательно рассмотрела свое отражение. Это было ее лицо, но почему...

— Смотри, смотри, кроме этого личика, что у тебя еще есть? — Цюй Ци выхватила зеркало, бросая на нее недовольный взгляд.

— Я... — Она попыталась заговорить, и голос больше не был хриплым и неприятным.

Попытавшись сесть, она почувствовала, как тело стало невероятно легким, в отличие от прежнего состояния, когда она постоянно чувствовала слабость.

Снова глубоко вдохнув, она молча проглотила слюну и медленно легла обратно, все еще не привыкнув к этому молодому и полному сил телу.

— Я сказала тебе вставать, ты что, не слышишь? — Цюй Ци встала и сдернула с нее одеяло, явно раздраженная.

...

Гу Синьжань смотрела на нее с мольбой, чувствуя, что, возможно, ей нужно еще немного поспать.

— Ха, напортачила и теперь прячешься, как черепаха в панцире. Ни ответственности, ни способностей, неудивительно, что жена с тобой развелась. И еще полезла к Ло Бин, что, не можешь смириться с тем, что она ухаживает за твоей бывшей женой? Тогда почему бы не встретиться с ней лицом к лицу, раз уж ты такая храбрая? Ударить человека — это теперь умение? — Цюй Ци закончила свою тираду, но даже это не принесло ей облегчения. Она с раздражением покачала головой и вышла из комнаты.

?

Жена?

Развод?

Бывшая... бывшая жена???

Что это за дикие слова.

Гу Синьжань замерла на мгновение, затем решительно закрыла глаза и украдкой потрогала свою грудь под одеялом. Она была женщиной.

В ее двадцать четыре года разве женщина, берущая в жены другую женщину, не была табу из табу? Разве это не должно было быть позором, клеймом на всю жизнь? Как она могла говорить об этом так прямо, как будто спрашивала, что ты сегодня ел?

Она поняла, что ей нужно не просто еще немного поспать, а, возможно, умереть еще раз.

Она закрыла глаза и снова заснула. Проснувшись, она все еще была в этой больничной палате, лежа на кровати, только свет за окном стал более тусклым, но ничего больше не изменилось.

Она села, попыталась встать с кровати и сделала несколько шагов. Тело было легким, идти было совсем не трудно, не нужно было ничьей поддержки, не нужно было опираться на трость. Это забытое чувство легкости заставило ее пройтись по палате несколько раз, чтобы привыкнуть к этому молодому и полному сил телу.

Она подошла к окну, открыла его, и теплый ветерок коснулся ее лица, взбудрив. Она глубоко вдохнула, почему-то ей казалось, что даже воздух был невероятно сладким.

Внизу была небольшая беседка, где многие пациенты сидели и разговаривали. Она посмотрела вниз и вдруг заметила двух красивых девушек. Одна из них была в больничной одежде, опиралась на трость и медленно тренировалась ходить, а другая девушка расставила руки вокруг нее, словно боясь, что она упадет.

Через некоторое время девушка в больничной одежде остановилась, и другая девушка тут же достала салфетку, чтобы вытереть ей пот, а затем встала на цыпочки и поцеловала ее в щеку, словно в знак поощрения.

Сердце Гу Синьжань заколотилось, она подняла руку, чтобы прикрыть глаза, чувствуя себя так, будто сама была поймана на чем-то нехорошем, и поспешно закрыла окно, задернув шторы.

Вернувшись на кровать, она села, все еще не понимая, что произошло.

Только что в саду, при стольких людях, эти две девушки открыто проявляли свои чувства, и никто не осуждал их, никто не смотрел на них с осуждением, а некоторые даже выглядели с завистью.

Она прикрыла лоб, чувствуя себя совершенно озадаченной.

Это было то, что она всегда хотела сделать с Илань — открыто заявить о своих чувствах перед всеми.

Но в то время гомосексуальность была величайшим табу, даже более позорным, чем негласные правила в их кругу. Хотя спустя десятилетия ситуация изменилась, но она была далека от такой открытости, как сейчас.

Кажется, она попала в удивительное время.

Она успокоилась, заметив уголок телефона, выглядывающий из-под подушки, и поспешила взять его.

В прошлой жизни она жила в уединении десятилетиями, давно оторвавшись от внешнего мира, и не была слишком знакома с работой смартфонов, но, к счастью, этот телефон разблокировался по лицу. Как только она поднесла его к себе, раздался щелчок.

Этот телефон был похож на тот, который она видела у Сяо Е, с кучей значков, которые могли сбить с толку. Некоторые из них она все же узнала.

Например, Weibo, WeChat, контакты, браузер и так далее. Раньше Сяо Е часто рассказывала ей забавные истории, которые видела в Weibo, так что она была относительно знакома с этим приложением.

Она уже собиралась открыть Weibo, но вдруг остановилась и вместо этого нажала на браузер, вспоминая, как Сяо Е пользовалась им, и ввела в строку поиска имя Линь Юйцин.

Когда она нажала на поиск, ее пальцы дрогнули, и она невольно уставилась на экран.

Увидев результаты поиска, она замерла, рука дрогнула, и телефон упал на кровать.

В результатах были только люди с таким же именем, но не та Линь Юйцин, которую она знала.

Сяо Цин вошла в индустрию в шестнадцать лет, получила титул Королевы кино, и в ее время она была очень популярной звездой. В результатах поиска не должно было не быть информации о ней.

Разве что...

При этой мысли она почувствовала, как на сердце упал тяжелый камень, сдавив дыхание.

Разве что это время не было тем, в котором она жила раньше.

Она не вернулась в свои двадцать четыре года, а переселилась. Переселилась в другое время, став двадцатичетырехлетней Гу Синьжань, занявшей чужое тело.

Она взяла телефон и с упрямством продолжила поиски, ища Гу Байе, Фан И, Синьйюй, город Циньчуань, всех и все места, связанные с ее временем, но без исключений, не было никого из тех, кого она знала, только люди с такими же именами.

Она набрала на экране иероглиф «Бай», но пальцы замерли, и она отказалась от этой затеи.

...

Когда Цюй Ци вошла, она увидела ее сидящей на полу, с телефоном в руках, с мокрым от слез лицом, выглядевшей совершенно потерянной, и испугалась.

— Ты опять... что за дела?

Она подняла глаза на Цюй Ци, глаза были красными, полными слез, нос покраснел от плача, она выглядела совершенно разбитой.

Цюй Ци немного растерялась, оглянулась на дверь, затем снова посмотрела на нее. Я... слишком жестоко ее отчитала?

— Ладно, что тут плакать, разве это поможет? Ты думаешь, если будешь плакать, тебя перестанут ругать? Вытри слезы, переоденься и готовься идти, я оформила тебе выписку. — В конце концов Цюй Ци не выдержала, достала из сумки салфетку и сунула ей в руку.

Она поблагодарила, взяла салфетку, закрыла лицо и заплакала еще громче.

Если смерть была концом жизни, она могла бы принять это спокойно, если бы знала, что ее дочь счастлива, а друзья нашли свои пути. Но сейчас она не умерла, память о прошлой жизни все еще глубоко запечатлена в ее сознании. Но теперь у нее не было дочери, не было друзей, не было любимого человека. Она чувствовала, что ее жизнь была шуткой, прожила целую жизнь, а в итоге ничего не осталось, даже фотографии, даже воспоминаний.

— Эй, эй, эй, хватит уже.

Цюй Ци тоже присела на корточки и ткнула ее в плечо.

— Плачешь так горько, поняла свою ошибку?

Гу Синьжань покачала головой. После смерти Илань она действительно редко плакала, она знала, что слезы бесполезны, но сейчас они лились, как поток, который невозможно остановить. Она давно не позволяла себе так плакать.

Гу Синьжань: Позвольте мне умереть, спасибо.

Открываю новый роман! Завтра начну регулярные обновления в 18:00!

В комментариях к этой главе прольется дождь красных конвертов, малыши, вперед!!!

Реклама: В моем профиле есть роман «Королева кино, которая слишком заботится [индустрия развлечений]», это история о Сяо Е (то есть о дочери главной героини в прошлой жизни) и ее старшей подруге.

«Что делать, если девушка слишком озорная» — это история о дочери Сяо Е и ее старшей подруге.

Оба произведения завершены, можно читать!

<http://bllate.org/book/16851/1550711>